ПЕРЕЛОМ

КАРИМА СОРОКОУМОВА

18+

Карима Сорокоумова

Перелом

«Автор»
2026

Сорокоумова К.

Перелом / К. Сорокоумова — «Автор», 2026

История Муслима и Марьям — это история о двух глубоко верующих людях, переживших тяжёлые потери. Чужих, но живущих по соседству. Долгое время их пути шли параллельно. Но у Творца свои планы на их судьбы.

© Сорокоумова К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

* * * 5
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Карима Сорокоумова
Перелом

* * *

Марьям

Я наконец закончила с готовкой. Теперь Дауда надо бы искупать, как проснётся. Вчера ещё хотела, но завозилась.

Дойдя до комнаты, я сообразила: так, сегодня гостей нет, Дауд после джума скорее всего опять к соседям убежит. У Муслима и Сафии был сын Муса всего на месяц старше нашего Дауда.

До чего же похожими бывают судьбы, подумалось мне. Ровесницы, мы были выданы замуж почти в одно время, сразу родили детей…

Я вышла вытряхнуть коврик.

Сафия вешала постиранное бельё, и я поздоровалась с ней.

— Вы к нам после джума сегодня, — сообщила она. — Вчера не сказала, потому что муж там какие-то дела решал, в город поехать думал… Передумал, в общем. Так что жду.

Я с улыбкой поблагодарила за приглашение.

Редкую пятницу мы не проводили время после молитвы вместе. То они были у нас, то мы у них. А дети наши вообще были не разлей вода.

Я глянула на наш дом. Так мы и познакомились с Сафией: её муж привёз её в свой дом — у него как раз отец умер, а матери давно не было. А тут и мы заехали, потому что моему Рашиду повезло купить соседний дом в рассрочку.

Сафия тогда была уже месяц как жена, я — одни сутки.

И с тех пор мы стали друг другу помогать. А потом и дети появились. И жизнь потекла своим чередом — так и текла до сих пор.

Дни в нашей глуши проходили однообразно и были похожи друг на друга. Но я почти любила это их спокойное течение. Стабильность, предсказуемость — мама учила меня ценить это в жизни.

Зайдя обратно в дом, я глянула на спящего сына: наши с Сафией мужья ушли на работу рано, чтобы до пятничного намаза закончить. Мы тоже давно были на ногах. А дети мирно спали. Вот проснутся и, наспех позавтракав, побегут играть.

Мы с Сафией, конечно, качали головой. Но, наверное, это здорово — вот так дружить.

Сама я росла при маме, пока она не умерла, потом при незамужней тёте. Жизнь была трудная, в работе, особо не до игр было, не до дружбы.

У Сафии положение было ненамного лучше. Из бедной семьи, после смерти отца она сразу была выдана дядей замуж — не до неё было в его большом семействе.

Так что мы были похожи гораздо больше, чем могло показаться.

Я вышла во двор уже со своим только что выстиранным бельём и по привычке посмотрела на дом с другой стороны. Там жила Ханифа с дедом. Раньше. Теперь её сосватали и увезли. Это была любовь. Мы с Сафией были искренне рады за неё. Мы не знали, что это такое — выйти замуж по любви.

Я невольно улыбнулась — всегда улыбалась, глядя на этот дом. Ханифа, нам тебя не хватает…. Но твой дом навсегда будет ассоциироваться у нас с союзом двух любящих сердец, о которых пишут книги и слагают стихи.

* * *

Муслим

Ещё одна пятница. Очередная неделя закончилась. Хотя и завтра на работу. Стройка — дело такое: больше работаешь — больше зарабатываешь. А на мне висели отцовские ещё долги — отец болел сильно в свои последние годы, ему уже не до работы было. Брат старший умер. Так что легло на меня. Я не роптал. Рад был, что люди с пониманием отнеслись — так я потихоньку и отдавал.

Я подошёл к дому. Жена наверняка уже одела сына на намаз — я всегда брал его с собой.

Иногда мне хотелось ещё детей. Но когда я вспоминал, как тяжело Сафии далась эта беременность, я гнал эту мысль. У неё до сих пор были проблемы по женской части. Она старалась не посвящать меня в подробности. Но тоже сказала, что пока не до детей — так врачи наказали.

Я не знал до конца, хотел ли прямо очень большую семью. Содержать в этой глуши тоже непросто было: работа — она то есть, то нет её. Может, и к лучшему, если один-два будет. Я рос с одним братом. И, когда женился, тоже не ждал шумного дома, наполненного детьми. Я вообще не знал, чего ждал. Я думал о том, как заработать, а тут и Сафия подвернулась. Семья небогатая, много не просили. Религия была, главное, — словом, не до роскоши в моём положении. Я не строил иллюзий — знал, что и она меня впервые видит. И, будь обстоятельства другими, вовсе бы за меня не пошла. Но уж как есть.

Мы жили вместе шестой год и в целом справлялись. Я запретил себе не приводящие к добру «если бы». По соседству так же жил Рашид, которому тоже просто нашли, и он молча согласился.

Сегодня они у нас, Сафия готовить будет — я должен был ехать в город, работа подворачивалась. Но сорвалось. Так что привычный круг.

* * *

Марьям

Оторвав очередной лист календаря, на котором значилось «среда», я в который раз подумала о том, как хорошо, когда у тебя достойные соседи, с которыми ты ладишь. У нас не только дети были «общими», но и машина на две семьи: наши мужья скинулись и купили. Пользовались по очереди. Но это была отличная подмога. И в работе им помогала, и нас до города довезти в случае надобности — туда добираться не ближний свет был.

Сегодня, когда за окном лило, я проглотила тоску. На меня накатывало как раз в такую погоду. И я радовалась, что хоть Сафия рядом. Она в таком же положении, она понимает. Вместе легче через всё это проходить.

Потолок протекал — Рашид обещал заделать, но эти дни было опять не до того, работа попалась.

Я поставила ещё одно ведро, вынесла почти полное.

Смахнула слезу. Пока никого нет, можно. Так легче. А в Раю вообще будет легко — я жила этой надеждой. Там уйдут все эти человеческие слабости, и мы будем ладить идеально. Там не придётся просто смиряться. Там человек, с которым я живу, раскроется с какой-то новой стороны. Или я смогу посмотреть на него другими глазами. И увижу что-то, кроме этой строгой сухости и вечной озабоченной складки между бровями. Увижу какого-то другого человека.

Я вытерла ещё одну слезу. Он скоро придёт. Надо собираться — ехать в город.

Наверное, я перегибаю палку. Всё эти глупые эмоции. На самом деле всё ведь нормально. Хвала Аллаху. Мы не голодаем. Просто иногда кажется, что он меня терпит. И я его. Но у нас общий дом. Сын.

Всё хорошо. И дождь закончится, и крыша залатается. Зря я так реагирую на погоду.

* * *

Муслим

Я смотрел на Сафию, пока она собирала сына. Она выглядела как всегда — отстранённо, будто не здесь. Иногда мне хотелось, чтобы это было не так. Чтобы в ней было больше живости.

Но я понимал нашу реальность. Я не нравился ей — я чувствовал. Не нравился никогда. Но она приняла свои обязательства и их выполняла.

А я старался выполнять свои. Потому что и у меня к ней не лежала душа. И если бы я разрешил себе мечтать, то, наверное, в моих мыслях родился бы совсем другой образ, — и внешностью, и характером.

У неё будто не было эмоций. Это могло раздражать, но на самом деле это было наше благословение — благодаря этой «ровности» жизнь спокойно текла своим чередом, деньги потихоньку зарабатывались, бытовые задачи выполнялись, сын рос.

Мне казалось, что мама любила отца. Она рано ушла, я не помнил подробностей. Но сохранилось ощущение тёплой любящей семьи. Может, я ошибался. Может, шайтан заставил меня жить с этой картинкой в голове, чтобы так отравлять мне моё собственное семейное существование.

— Готова?

— Да…

У нас редко бывали более длинные и глубокие диалоги. Почти никогда.

Иногда мне казалось, что ей нужен был совсем другой человек — вовсе лишённый эмоций. Как Рашид, которого ничто не могло выбить из колеи. Иногда мне хотелось быть таким — он настолько спокойно воспринимал жизнь, с равнодушием, какой-то чуждой мне обстоятельностью. Мы были почти одного возраста — он был старше на год, но казался старше намного из-за этого характера, похожего на течение медленной реки.

Я верил, что ему его брак доставался в разы легче — по крайней мере, со стороны это так выглядело. И когда он был рядом, мне начинало казаться, что я создаю проблему на пустом месте — надо воспринимать жизнь, как он, и не ждать от неё чужеродных фейерверков.

Мне надо как-то выработать в себе эту способность.

* * *

Марьям

Я замешкалась из-за этой крыши: закапало в новом месте, и пришлось срочно искать очередную ёмкость.

Когда я вышла, Сафия уже сидела с сыном на заднем сидении. Дауд уселся рядом с ними. Рашид за рулём, муж Сафии рядом с ним, они разговаривали… Ждали только меня.

Я побыстрее села, чтобы не задерживать, и автомобиль тронулся.

Мне не нравилось, как Рашид водит, — меня всегда укачивало во время долгой поездки. Поэтому я приготовилась терпеть, потихоньку жуя мятную резинку.

Мужчины впереди обсуждали работу. Дождь лил. Не лучшая погода для поездки, если б не необходимость.

Мне хотелось, чтобы Сафия разговаривала со мной, так легче отвлекаться от противного подташнивания внутри. Но в машине — и вообще в жизни — она больше молчала, чем говорила.

К счастью, Мусу тоже постоянно укачивало, и мы останавливались из-за него, а не из-за меня. Но благодаря этим остановкам я тоже получала передышку.

Сафия вполголоса разговаривала по телефону — жена дяди позвонила. И я ждала окончания разговора, чтобы спросить её кое о чём — пока вспомнила. Короткая остановка закончилась, и я настраивалась на новый мучительный отрезок дороги. Маленький Муса сидел с целлофановым пакетом. У меня в сумке тоже был такой. Но я стеснялась его доставать — каждый раз надеялась, что обойдётся. И до сих пор обходилось, Аллах миловал.

Мне было легче, когда в транспорте я смотрела вперёд, по направлению движения. Но там было зеркало и я боялась встретиться глазами с чужим мужчиной. Поэтому пришлось смотреть в окно. Там ничего не было видно из-за дождя.

Я вздохнула.

* * *

Муслим

Я не знал, почему не любил дождливую погоду. Точно не потому, что в дождь сложнее было строить. И не потому, что можно было промокнуть. Может, что-то из детства. Я не помнил. Но в такие дни на душе было тоскливо. Будто все тяжелые мысли в моей голове разом обострялись.

Вот и сейчас дождь лил, и мне было не по себе.

На заднем сидении тошнило Мусу. Его пока не рвало, но я знал, что в любой момент начнёт. Оборачиваться было неудобно — помимо Сафии там сидела жена Рашида.

Я удивлялся, как у него получается так водить, что даже у меня было неприятное ощущение в желудке. И мог только догадываться, как Рашид видит дорогу. Я сам толком ничего не видел.

Мы ехали уже час. Говорили о работе.

Это случилось вдруг. За несколько мгновений.

Я заметил движение сбоку.

И как-то понял: что-то не так.

Успел крикнуть Рашиду: «Осторожно!»

Успел увидеть, как он лихорадочно выворачивает руль.

А потом почувствовал резкую боль в боку и в голове.

* * *

Марьям

Я закрыла глаза на секунду. Когда очень резко тряхнуло и вдавило в сидение, и я испугалась.

Кто-то вскрикнул. Точно не я — я зажмурилась и сжалась. Успела прикрыть рукой голову Дауда, которого только перед этим взяла на колени. Вся ушла в это инстинктивное движение.

А потом всё застыло.

Я открыла глаза.

Первым я увидела Мусу. В неестественной, неуклюжей позе, будто брошенная кем-то кукла, он закричал, заплакал.

Кровь.

Я подняла глаза на Сафию. И застыла. Она не двигалась, прижатая к стеклу. С таким безмятежным выражением лица, будто спала.

Как можно спать во время такого удара?.. Когда всех так швырнуло?..

Но по стеклу текло красное. Оно было повсюду. На Сафии. На корчившемся Мусе. На Дауде, которого я держала. На моих коленях. И оно капало с моего носа.

У жвачки был странный металлический вкус.

Почему везде столько красного?..

Почему Сафия не берёт Мусу на руки?..

Я неуклюже вытерла капающее красное рукой. Посмотрела вперёд.

Все были на месте. Но никто не двигался. И там тоже было много красного. На лобовом стекле. Возле Рашида.

Почему никто не двигается?..

Дауд заплакал, глядя на Мусу.

У меня резко закружилась голова.

А потом кто-то открыл дверь.

Зачем кто-то открыл дверь?..

Я не знала этих людей.

* * *

Муслим

Я вспомнил не сразу. Открыв глаза в больничной палате, долго пытался сообразить, где я. И почему я здесь.

А потом в памяти вспыхнули подробности.

И только тогда появилась мысль. Сафия. Муса.

Где мой сын и моя жена?..

Я так хотел знать.

Но когда добился, чтобы мне сказали, почти сразу пожалел, что спросил.

Прошло время, прежде чем я поверил, прежде чем я осознал…

Мне не нужно было слышать про черепно-мозговые травмы. Лишь одно имело значение: мой сын остался без матери.

Я долго лежал, глядя в потолок.

Не хотел никого видеть.

Почувствовал слёзы на щеках, сам ещё не понимая, о чём плачу.

И спустя много времени вдруг сообразил.

Рашид с женой и сыном. Они ведь тоже были в машине.

Где они?

* * *

Марьям

Рашида похоронили, пока я была в больнице.

Дауд остался со сломанной рукой. У меня теперь будет заживать сломанное ребро. И синяки. Много.

Но всё это имело так мало значения сейчас, когда, вернувшись домой, я сидела на кровати возле спящего сына и слушала тишину.

Как легко, субханаЛлах, как легко рвутся земные связи! И как легко обрывается человеческая жизнь.

Человек, который несколько дней назад сидел за столом напротив меня, завтракая, теперь лежит в могиле. Со всеми этими переломами, рассказ врачей о которых вызвал у меня рвоту и обморок.

А мы тоже поломанные, но живые. И я не знаю, что дальше. Не знаю совсем.

Жизнь с Рашидом была несладкой. Мы были разные.

Он рос в детдоме, и, в отличие от меня, не особо любил детей. И после рождения Дауда, сказав, что на ближайшие годы нам хватит, отвёз меня в поликлинику поставить спираль.

И человеческого тепла он давал не больше, чем остывшая к утру печка.

Но пока он был, всё было понятно. Привычно. Была стабильность и определённость.

Сейчас у нас с сыном был дом. Это главное. У нас осталась крыша над головой, пусть и местами протекающая.

Но я после девятого класса нигде не училась. И никогда не работала.

Я не знала, на что мы будем жить.

Дедушка Ханифы, наш сосед, зашёл, оставил деньги.

Я делала дуа ночами, чтобы всё было хорошо. Но всё равно не могла представить себе наше с Даудом завтра.

Оставалось полностью положиться на Аллаха.

Я погладила сына по светлым волосам и поймала себя на мысли: как по-разному мы воспринимаем одну и ту же черту или особенность в зависимости от человека.

Дауд был весь в отца. Но если в Рашиде эта светлая кожа и волосы стали для меня синонимом его холодности, сдержанности и закрытости, то в сыне та же светлость казалась родной и тёплой. Солнечной, а не снежной.

Сафия как-то мрачно пошутила, сказав, что нам всегда достаётся в жизни не то, что мы хотим: она видела во сне, что выходит замуж за человека высокого и рыжего, а в результате стала женой чернявого и невысокого.

А мне нравилась чернота в людях. В ней было столько жизни и тепла…

Я прикрыла глаза. Я не знала, почему думаю об этом сейчас. Почему до сих пор рассуждаю о Сафии так, будто она всё ещё жива. Будто мы завтра увидимся как ни в чём не бывало.

Безмятежность её лица в те мгновения в машине навсегда отпечаталась в моей памяти. Наверное, поэтому. Я не могла представить её мёртвой. Даже несмотря на обилие красного на стекле возле её головы.

Мне хотелось закрыться дома и никуда не выходить.

Но я не могла. Муж и сын Сафии там, в больнице. Дауд уже десятки раз спросил про Мусу. И я знала уже: что бы ни случилось, я пойду завтра в больницу.

* * *

Муслим

Я увидел сына, и у меня сжалось сердце. И не важно, что сам я выглядел намного хуже, что травмы у меня были тяжелее. Я взрослый мужчина. Он — всего лишь ребенок. Теперь ещё и сирота.

Я объяснил ему про маму, как мог. Напомнил о Рае. Обнял, насколько позволили наши общие повреждения.

Мне было не по себе оттого, что он здесь, в больнице. Уже много дней.

Я думал, что так будет, пока не выпишут меня.

Но сегодня всё изменилось. Зашёл главврач и сказал, что жена Рашида хочет забрать Мусу.

Я сразу подписал согласие. В знакомой обстановке, в домашнем тепле, рядом с лучшим другом сыну точно будет лучше, чем в больничной палате.

Я не знал, зачем она забирала его. Но у меня не было оснований сомневаться, что она позаботится о нём как о родном. У нас с соседями дети всегда были «общие». Дауд мог спать у нас, Муса — у них.

И я сказал: «Альхамдулиллях».

Это было второе облегчение с тех пор, как я узнал, что мой сын жив.

Господи, не оставь нас!..

* * *

Марьям

Как просто говорить об испытаниях. Как легко мы все повторяем, что испытания неизбежны, что они тоже милость и возвышают наши степени в Раю, если мы проявим терпение. И как сложно на самом деле не роптать.

Я забрала Мусу из больницы. Дауд готов был прыгать от радости, забыв про свою боль.

Муса тоже был рад. Он столько раз играл, ел и ночевал у нас. А я, глядя на него, пыталась представить, как бы это выглядело, будь у меня двое детей.

Я занесла его на руках — гипсы ещё предстояло снимать. В боку ныло, но я не обращала внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.